

УДК 316.42:316.75

Культурный код, историческая память и региональное сотрудничество*

Рудковский Э. И.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова», Витебск

Статья посвящена анализу роли духовных ценностей в развитии регионального сотрудничества. Отмечается, что духовные ценности, идеология являются объединяющими идеалами, без которых стоящие перед народами Беларуси и России проблемы не решить. В этой связи значительное внимание уделено соотношению таких понятий, как регионализм и регионализация, культурный код нации, историческая память. Рассматриваются некоторые подходы к их определению. Внимание уделено влиянию политических факторов на сохранение исторической памяти народов. В то же время отмечается обратное воздействие исторической памяти на политические процессы.

В статье сделан акцент на основные духовные ценности восточного славянства, характеризующие его культурный код.

Ключевые слова: регионализм, регионализация, культурный код, историческая память, духовные ценности.

(Искусство и культура. — 2015. — № 4(20). — С. 69-74)

Cultural Code, Historical Memory and Regional Cooperation

Rudkovski E. I.

Educational Establishment «Vitebsk State P. M. Masherov University», Vitebsk

The article centers round the analysis of the role of spiritual values in the development of regional cooperation. It is pointed out that spiritual values, ideology are uniting ideals without which issues, the peoples of Russia and Belarus face, can't be solved. Hence, considerable attention is paid to the correlation of such concepts as regionalism and regionalization, nation's cultural code, historical memory. Some approaches to their definition are considered. Attention is drawn to the influence of political factors on the preservation of the people's historical memory. At the same time, the reverse impact of historical memory on political processes is pointed out.

Accent is made in the article on basic spiritual values of Eastern Slavs which characterize its cultural code.

Key words: regionalism, regionalization, cultural code, historical memory, spiritual values.

(Art and Culture. — 2015. — № 4(20). — P. 69-74)

Успехи, эффективность и приоритеты регионального и субрегионального сотрудничества на постсоветском пространстве определяются не только экономическими интересами и ресурсами. Опыт строительства Союзного государства Беларуси и России свидетельствует, что существенным ресурсом являются социокультурные факторы, к числу которых относятся культурный код нации и историческая память.

Цель статьи – анализ роли культурного кода нации и исторической памяти в региональном сотрудничестве.

Региональное сотрудничество не может не испытывать влияния процессов глобализации, которые в последние десятилетия резко вторглись в жизнь человеческого общества, затрагивают все его сферы, изменяют динамику и содержание экономической жизни, направленность и интенсивность

Адрес для корреспонденции: e-mail: kphilosof@vsu.by – Э. И. Рудковский

межкультурного взаимодействия, духовную жизнь и устои быта людей, привычные формы их жизнедеятельности. В целом данные процессы носят закономерный, объективный характер. Реальностью стал взаимозависимый мир, многие ранее отсталые регионы планеты получили шанс модернизировать свою экономику, образование, поднять уровень жизни людей, приобщить их к достижениям человеческой цивилизации.

Вместе с тем нельзя не видеть и отрицательных последствий глобализационных процессов. К примеру, культура малых по численности этносов, жизнь которых связана с определенными регионами, часто исчезает в условиях нарастающей интенсификации информационных процессов и связанным с этим распространением массовой культуры, стандартизацией жизни людей.

Проблема соотношения глобализации и регионализации в современных условиях становится все более актуальной. Неоднозначна ее трактовка в литературных источниках. Некоторые авторы полагают, что регионализация – это непосредственное проявление глобализации. Другие, напротив, исходят из того, что регионализация является ответом на глобализацию, попыткой минимизировать ее отрицательные последствия. На наш взгляд, здесь мы имеем дело со своего рода «единством и борьбой противоположностей». С одной стороны, в региональных объединениях стран отчетливо проявляются многие тенденции, особенности и характерные черты современной мегацивилизации. С другой – часто региональные объединения создаются с целью реализации экономических и политических интересов, а также сохранения, защиты своих привычных социокультурных ценностей от зачастую разрушительного воздействия «девятого вала» глобализации.

Регионализацию нельзя сводить лишь к экономическим ее аспектам. Важно учитывать политические и социокультурные процессы. Нельзя не согласиться с тем, что регионализация выступает как «развитие, укрепление экономических, политических и иных связей между областями или государствами, входящими в один регион...», а регионализм – как «подход к рассмотрению и решению экономических, социальных, политических и других проблем под углом зрения интересов и потребностей того или иного региона» [1].

Полагаем, что следует различать регионализацию в широком и узком смысле слова. В широком – это объединение, союз таких субъектов общественной жизни как государства. Примером такой регионализации являются ЕС, АСЕАН, ЕАЭС. В узком смысле слова регионализация – это субрегионализация, сотрудничество регионов отдельных стран в различных сферах общественной жизни. Современная регионализация осуществляется на двух уровнях сотрудничества: межгосударственном и межрегиональном. При этом региональная интеграция наиболее эффективна на субрегиональном уровне. Однако это возможно лишь в том случае, если субрегионы де-юре и де-факто становятся субъектами международного сотрудничества, включая и приграничное сотрудничество. Государство должно лишь создавать благоприятные условия для интеграции микрорегионов. Обычно такие регионы возникают «естественным путем», и такая «естественность» обуславливается сходными географическими, социокультурными условиями, общностью экономических интересов и исторических судеб.

Сотрудничество субрегионов, как уже отмечалось, не может ограничиваться лишь экономической интеграцией. Важную роль играют взаимосвязи в социокультурной сфере и создание необходимых духовных предпосылок всех иных взаимодействий. Уповать только на экономические интересы, получаемую хозяйственную выгоду не стоит, нельзя находиться в плену экономического и технологического детерминизма. Речь идет об опоре на общие духовные ценности, культурное наследие. Нельзя игнорировать тот факт, что экономика, политика и духовная жизнь социума диалектически взаимосвязаны.

Культурный код нации. Народы Беларуси и России интегрированы и ментально, и экономически. Их объединяет историческая память, общность исторических судеб, религия, общеславянские духовные ценности и ценности восточного славянства. Органичной частью последних является культурный код нации. Википедия определяет культурный код как «уникальные культурные особенности, доставшиеся народам от предков; это закодированная в некой форме информация, позволяющая идентифицировать культуру».

Культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо комплексом стереотипов в сознании. Это – культурное бессознательное – не то, что говорится или что осознается, а то, что скрыто от понимания, но проявляется в поступках. Культурный код нации помогает понять ее поведенческие реакции, определяет народную психологию» [2].

Американский психоаналитик К. Рапай отмечает, что культурный код определяет набор образов, которые связаны с каким-либо понятием в нашем сознании. Смысл образов в разных культурах не совпадает и скрыт от нашего понимания [3]. Можно согласиться с тем, что в разных культурах существуют свои смысловые образы. Но если культурный код – это сфера бессознательного, то почему образы культурного кода связаны с каким-либо понятием? Понятия, как известно, – это форма рационального познания, мышления. Некоторые авторы, отмечая, что культурный код относится к «коллективному подсознательному», «культурному подсознательному», указывают на то, что культурное наследие наших предков оказывает большое влияние на формирование человека и создает ориентиры деятельности, развития любого социума. К примеру, Т. Жирикова отмечает: «Традиции не могут передаваться по воздуху, как грипп, для их передачи нужны институты, выступающие носителями, хранителями и контролерами соблюдения традиций» [4]. Культурный код, по мнению автора, следует беречь – это задача любой науки. Огромная роль здесь принадлежит образованию, воспитанию, искусству. С этим нельзя не согласиться. Однако как рациональная по преимуществу образовательно-воспитательная деятельность может укреплять, формировать, поддерживать то, что относится к культурному бессознательному? Самоидентификация представителей тех или иных наций и этносов в целом во многом определяется культурным кодом, который делает нас теми, кто мы на самом деле есть. Но, в то же время, она связана с рациональным осмыслением своего места в мире. Культурный код включает бессознательное, но не сводится к нему, его нельзя сводить к национальной психологии.

Культурный код выступает как необходимое условие сохранения, преемственности и устойчивости человеческого бытия. Он осно-

вывается на определенных ценностях, которые определяют суть нации, ее особенности.

Развал СССР затронул все стороны жизни, включая и культуру. Произошел пересмотр многих базовых ценностей советского общества. В изменившихся исторических условиях стала формироваться новая гражданская и культурная идентичность, в которой в соответствии с принципом диалектического отрицания взаимодействуют традиционные советские и современные ценности, идеалы и смыслы бытия.

Этот процесс носит во многом стихийный характер. В настоящее время стоит задача перейти на новый уровень культурной идентичности. Без этого невозможно обустройство нашего общего дома. Речь идет о мобилизации всего того, чем было сильно славянство.

Прежде всего, следует выделить такие духовные ценности восточного славянства, как коллективизм, служение обществу, стойкость к жизненным невзгодам, твердость душевной ориентации, патриотизм, готовность к самопожертвованию.

Духовные ценности белорусов складывались в тесной связи с восточнославянской культурой. Вместе с тем, особенности культурного кода белорусов определили тесные связи с другими народами, «пограничный» характер духовной жизни народа, который на протяжении всего своего существования испытывал влияние других культур.

Культурный код белорусов ярко представлен в многочисленных произведениях классиков белорусской литературы: Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, В. Короткевича и др. К числу духовных ценностей белорусского народа многие исследователи относят: миролюбие, толерантность, дружелюбие («памяркоўнасць»), стремление к разумному компромиссу, хозяйственность, трудолюбие, бережливость, стойкость перед вызовами времени. Е. М. Бабосов отмечает: «...как бы ни изменялся мир, какие бы перемены ни происходили в сознании и поведении людей, в нашем обществе существуют и не утрачивают своей непреходящей значимости традиционные ценности... Они-то и составляют фундамент той идеологии, которая коренится в самосознании и житейской мудрости белорусского народа. Именно они всегда были и всегда будут востребованы при любых социальных переменах» [5]. Опора на данные качества – усло-

вие стабильности социума, плодотворного приграничного сотрудничества. Наши народы всегда выручала культура как общая память. Вот почему в практике многообразных региональных связей следует опираться на их традиционные ценности.

В то же время следует учитывать стремительную динамику процессов в духовной сфере. Современное общество пока во многом опирается на потенциал старшего поколения, советской духовной культуры. Но активным субъектом общественной жизни становится выросшее в постсоветское время поколение, многие представители которого оказались без руля и ветрил, четких духовных ориентиров. Денежная мотивация жизни стала определяющей, а духовность стала уходить из многих сфер жизнедеятельности общества. Важно не потерять память о своих предках, сохранить их духовное наследие, помнить о своем происхождении и предназначении в этом мире.

Культурный код может трансформироваться в процессе развития общества (упрощаться, усложняться, менять знаковую и символическую систему), но очень важно не замыкаться в сфере иррационального, бессознательного и строить культурную политику на основе четких вербальных выражений, осознанных ясных представлений.

Историческая память. Сохранение и воспроизводство культурного кода невозможно без обращения к исторической памяти народа. Историческая память «вшита» в культурный код нации. Прошлое не уходит бесследно. Оно бросает тень на настоящее, довлеет над ним, определяя контуры будущего развития. Роль исторической памяти возрастает в переломные эпохи в развитии общества, в период безвременья, утраты прежних идеалов и попытки достижения новых горизонтов. Настоящее влияет на образы будущего. С другой стороны, память приковывает человека к прошлому, к традициям ушедших поколений, которые, по словам К. Маркса, «тяготеют, как кошмар, над умами живых» [6, с. 119].

Прошлое, так или иначе, остается в настоящем, является важным элементом структуры современного общества. Историческая память, как и коллективная память (социальных групп, поселений и т. п.), является важной предпосылкой не только групповой идентичности, но и идентично-

сти социума в целом. Исследователи данного феномена приводят разные его определения. Нам ближе позиция Л. П. Репиной, которая определяет историческую память «...как одно из измерений индивидуальной или социальной памяти – как память об историческом прошлом или, вернее, как символическая репрезентация исторического прошлого. Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом, ибо оживление разделяемых образов исторического прошлого является таким типом памяти, который имеет особенное значение для конструирования социальных групп в настоящем» [7, с. 414].

Понятие «историческая память» тесно связано с понятием «коллективная память». «Историческая память» понимается как коллективная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание группы) или как социальная память (в той мере, в какой она вписывается в историческое сознание общества), или в целом как совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных знаний и массовых представлений социума об общем прошлом [7, с. 416–417].

Порой в качестве синонима исторической памяти используется историческое сознание. Но первое – более широкое понятие, так как включает не только стихийно складывающиеся знания, образы, символы, представления, но и научные историографические положения. В этой связи некоторые исследователи пытаются противопоставить историю как науку и историческую память. К примеру, М. Хальбвакс полагает, что историческая память – это важнейший фактор самоидентификации группы. При этом существует несколько вариантов коллективной памяти, в то время как история только одна [8].

По мнению Дж. Тоша, история предстает как точная наука, тогда как историческая память создает интерпретации, мифы в угоду политической целесообразности, в интересах социальных групп [9, с. 11–32].

В то же время М. Фуко по отношению к истории использовал понятие «контрпамять», подразумевая, что историки не пытаются постичь истину, а обслуживают власть, конструируя историю в рамках современ-

ных им дискурсов. Возникает вопрос: может ли историк быть «ангелом во плоти» и стать выше всякой политической целесообразности, служить только истине? В действительности это лишь идеал, к которому должен стремиться исследователь. Очень часто мы сталкиваемся с другим положением вещей. На воспроизведение прошлого в трудах историков и в различных политических документах влияют традиции, ностальгия, идеологические ценности и политические интересы. Очень часто интерпретации исторического прошлого используются как идеологическое средство для достижения сиюминутных политических целей. История и память о ней становятся ареной борьбы с внешним и внутренним противником. Наблюдается стремление государственных деятелей, лидеров партий прибрать к рукам память о прошлом своей страны. Речь идет о политическом использовании истории. А. И. Миллер отмечает: «...тенденция политизировать историю глобальна. Скорее всего, каждый отдельный элемент исторической политики в странах Восточной Европы в последние десять лет можно найти и в других регионах мира; а каждая восточноевропейская страна выстраивает эти элементы немного по-своему» [10]. Историческая политика здесь представляет собой качественно новый набор практик политического использования истории. Пока академическая наука искала «новые подходы» к изучению истории, политические публицисты, СМИ преуспели в фальсификациях исторических явлений, переоценках исторических деятелей и фактов. Примеров эскалации такой исторической политики в сферу межгосударственных отношений и повседневной жизни отдельных стран предостаточно. Вспомним хотя бы миф об одинаковой ответственности фашистской Германии и СССР за развязывание Второй мировой войны, об оккупации стран Прибалтики и т. п. В этой связи нельзя не вспомнить положение В. Дильтея о том, что историю надо не объяснять, а понимать.

Важным компонентом исторического сознания и формирования исторической памяти является контекст. То или иное историческое событие нельзя вырывать из окружающих общественных условий. Историю нельзя осовременивать, мстить ей – тем более. Когда речь идет об оценке

тех или иных явлений прошлого, всегда необходимо учитывать всю сложную конфигурацию внутри- и межгосударственных отношений. Абстрактной истины, как известно, нет. Она всегда конкретна. Это во-первых. Во-вторых, историческая память любого народа не может быть избирательной. Она призвана хранить все в полном объеме, а не выделять одно и умышленно замалчивать другое. В-третьих, история – это не только история «высокой» политики, не только результат профессиональной работы ученых-историков, но и так называемая устная история, а также образы, создаваемые писателями, кинематографистами и т. д. Важно учитывать и мир повседневности. История – это судьба миллионов. Вот почему важно использовать воспоминания простых людей, которые жили, трудились, боролись. Непреходящее значение имеет история региона, с которой связаны люди самым непосредственным образом. П. Томпсон справедливо отмечает, что в «...местной истории деревня или город ищет смысл перемен, которые переживает, а вновь прибывшему исторические знания помогают укорениться в новой среде» [11, с. 15].

Духовные ценности, идеологические приоритеты влияют не только на историческую память (интерпретации прошлого), но и на весь комплекс общественных отношений. Общность исторических судеб не может не сказываться на динамике регионального сотрудничества во всех сферах общественной жизни. Пока в сотрудничестве России и Беларуси основной акцент сделан на макроэкономических и финансовых показателях. Но одними материальными стимулами стоящие перед народами стран проблемы интеграции не решить. Без духовных ценностей, идеологии нет смыслов, нет объединяющих целей и символов, невозможно определить стратегию и реализовать ее. Возникает вопрос: что может выступать в качестве духовных скреп интеграции на самых различных уровнях? Казахстанский социолог С. Салькенов справедливо отмечает, что идеологии потребительства и тотального расчеловечивания в современном мире необходимо противопоставить формирование альтернативной мировоззренческой концепции нравственно-созидательного содержания, идеологию человечности. Вместе с тем предостерегает, что «идеологию чело-

вечности не следует воспринимать в общепринятом толковании этого термина, ибо данная мировоззренческая концепция не преследует некие социально-политические и какие-либо другие цели... В сущности, она представляет собой своего рода этику социального поведения, основанную на принципах человечности, не требующих законодательных инициатив...» [12]. Если это этика социального поведения, которая не требует законодательного закрепления, то такая идеология не нуждается в какой-то особой разработке. Можно взять учебник по этике и найти там необходимые нормы морали, регулирующие социальное поведение.

В свое время В. Путин в статье «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня», опубликованной в газете «Известия» 3 октября 2011 г., говорит о ценностной основе будущего объединения и отмечает, что Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов. Упомянутые ценности хороши, и их нельзя отрицать. Но и ограничиться ими нельзя. Составляя суть идеологии либерализма, в чистом виде они не могут стать основой объединения народов внутри Евразийского союза, который должен быть привлекателен не только в экономическом, но и в духовно-ценностном плане, что предполагает учет культурного кода этносов, их менталитета, традиций, символов души.

Заключение. Духовные ценности общества, историческая память, идеологические ориентиры – это своеобразные духовные скрепы социума. Отказ от традиционных ценностей, объединяющих россиян и белорусов – это путь в никуда. В приграничных регионах часто менялись исторические и геополитические реалии, они становились объектами притязаний различных субъектов международных отношений. Каждый из них пытался поставить на службу своим интересам этническую и конфессиональную политику, интерпретацию исторического прошлого. Нельзя не видеть сегодня порой весьма существенных различий идеологических принципов, социальных и политических ориентиров, ценностей, культивируемых в странах-соседках. Вместе с тем, во

главу угла следует ставить то, что объединяет страны и регионы. Без восстановления исторической правды, единого прочтения совместной истории не может быть единства народов, их плодотворного сотрудничества. Всякое насилие над историческим прошлым должно быть решительно отвергнуто, историю нельзя наказывать, ее следует понимать. Сбереечь историческую память – значит сохранить свою идентичность, своеобразие духовной культуры в наличном бытии региона или общества в целом. Только общество с четкими нравственными ориентирами может обратить экономическое развитие и научно-технический прогресс во благо, а не во вред человеку. Современное общество меняется стремительно и радикально, но остается непреходящим значение таких ценностей, как трудолюбие, честь, совесть, достоинство, доброта, толерантность, патриотизм. Как следствие этого культурная политика стран, объединенных союзническими узами, должна быть нацелена не на коммерческий, а на гуманистический результат.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой экономический словарь / под ред. А. Н. Азриляна. – М.: Институт новой экономики, 1994. – С. 827.
2. Культурный код [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://www.wikipedia.org/wiki/%CA>. – Дата доступа: 29.06.2015.
3. Рапай, К. Культурный код [Электронный ресурс] / К. Рапай. – Режим доступа: <http://maxpork.comm./community/8/content/2030180#diskurs>. – Дата доступа: 05.08.2015.
4. Жирикова, Т. Русский культурный код / Т. Жирикова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://maxpork.comm./community/8/content/2030180>. – Загл. с экрана. – Дата доступа: 22.06.2015.
5. Бабосов, Е. М. О современном характере идеологии / Е. М. Бабосов // Беларуская думка. – 2003. – № 6.
6. Маркс, К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта / К. Маркс // Сочинения в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1957. – Т. 8. – С. 115–217.
7. Репина, Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. / Л. П. Репина. – М., 2011. – 559 с.
8. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – С. 26.
9. Топш, Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка / Дж. Топш. – М., 2000. – 296 с.
10. Миллер, А. И. Политические приключения исторической науки / А. И. Миллер // Знание – сила. – 2015. – № 4. – С. 20.
11. Томпсон, П. Голос прошлого. Устная история / П. Томпсон. – М., 2003. – 368 с.
12. Салькенов, С. Идеология человечности / С. Салькенов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://trueinform.ru/modures/Phpname=News&sid=4082>. – Дата доступа: 16.07.2015.

Поступила в редакцию 21.09.2015 г.